

C-20

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

На правах рукописи

Г. Х. САРКСЯН

ГОРОД ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

(III в. до н. э.—IV в. н. э.)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН

1954

Настоящее исследование посвящено определению социально-экономической и политической сущности города в древней Армении.

До недавнего времени считалось, что Армения не пережила рабовладельческой общественно-экономической формации, а непосредственно перешла от доклассового общества к феодализму. В советской науке наиболее крупным представителем этой концепции был акад. Я. А. Манандян¹, в лице которого нашла упорного противника выдвинутая С. Т. Еремяню точка зрения о существовании рабовладельческого строя в древней Армении². Споры относительно характера древнеармянского общества обусловлены крайней скудостью источников по истории древней Армении до V в. н. э. Все же исследования С. Т. Еремяна дают возможность констатировать в древней Армении не только наличие **рабства**, но и **рабовладельческого строя**. Особенностью этого строя являлась огромная роль сельской общины в экономической жизни общества. Данная особенность отличает Армению от Рима и Греции и сближает ее с древневосточными и с эллинистическими рабовладельческими странами.

Важность изучения города, таким образом, обусловлена

¹ Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марзпанства). Ереван, 1934 (на армянском языке). Он же. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, 1945, № 15.

² С. Т. Еремяню написан капитальный труд „Рабовладельческое общество древней Армении“, с рукописью которого мы познакомились благодаря любезности автора. Имеется автореферат этого труда под тем же заглавием, Москва, 1953.

не только той огромной ролью, которую играл город в древних обществах, но и тем, что раскрытие его сущности позволило бы более уверенно судить о характере общественного строя древней Армении.

Литература, посвященная городу древней Армении, очень немногочисленна. Следует особенно отметить монографию акад. Я. А. Манандяна¹, которая положила начало исследованию городов Армении и привлекла к этой проблеме внимание исследователей. В этой работе впервые были сведены воедино дошедшие до нас известия о городах древней Армении. Автор поставил и разрешил целый ряд вопросов как общего, так и частного порядка. Им установлена связь между периодами оживления и затухания переднеазиатской транзитной торговли и периодами развития армянских городов. Однако автор преувеличил значение этой стороны вопроса и, сосредоточив на ней все свое внимание, не счел нужным обратиться к исследованию роли города в социально-экономической и политической структуре общества.

Последнему вопросу некоторое внимание уделил С. Т. Еремян². Он четко различает город рабовладельческого периода и город периода феодализма и дает очень интересную сводку данных о ремесле в древней Армении. Касаясь вопроса об отношении царской власти к городам, С. Т. Еремян указывает на заботу царей о развитии городов, особенно в период правления Тиграна II (95—56 гг. до н. э.). Однако автор не вполне правильно трактует роль городского самоуправления, считая, что оно было введено в чисто административно-фискальных целях. Вследствие такой постановки вопроса, остается нераскрытой социальная и политическая роль города, как объединения рабовладельцев.

Именно этому последнему вопросу, затронутому в имеющейся литературе в очень слабой степени, посвящено наше исследование, которое состоит из введения, трех глав и заключения.

¹ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван, 1930.

² С. Т. Еремян. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. Вестник древней истории, 1953, III.

Во введении дана краткая характеристика города Передней Азии эллинистического периода (III—I вв. до н. э.). Здесь в течение этого времени возникла сеть городов, центров местной и транзитной торговли и ремесленного производства, сходных по своему политическому устройству с классическими греческими полисами, но и во многом отличных от них. И классические, и эллинистические полисы были коллективами рабовладельцев, объединившихся для эксплуатации рабской силы. Но первые были суверенными городами-государствами благодаря наличию в них того широкого слоя граждан-земледельцев среднего достатка, который служил основным контингентом ополчения полиса и был силой, обуславливавшей способность полиса добывать и успешно эксплуатировать рабов. Вторые, в результате процесса дифференциации общества, почти лишились этого слоя и вместе с ним своей основной опоры, которая была тем более необходимой, что круг эксплуатируемых масс расширился за счет включения в систему рабовладельческой эксплуатации земледельческого населения территорий, окружавших город (*χωρὰ πολιτικῆ*)¹. Необходимую опору эллинистические полисы находили в царях тех государств, составной частью которых они были. При этом полисы теряли свою суверенность и сохраняли лишь некоторую политическую автономию, обусловленную их экономической самостоятельностью. Однако и цари, несмотря на то, что располагали сильной наемной армией и бюрократическим аппаратом, одни, без помощи полисов, не могли справиться с задачей подавления эксплуатируемых масс, тем более, что они тратили громадные усилия на поддержание политической целостности своих государств, не имевших единой экономической базы. Из общности классовых целей возникал классовый союз царей с полисами. Цари заботились об укреплении полисов, что выражалось в предоставлении им различных прав и привилегий (санкционирование автономии, асилья, ателия и т. д.) и в энергичном градостроительстве: в III—I вв. в Передней Азии возникло несколько сот новых полисов, организованных по образцу старых.

Буржуазные ученые (Тарн, Ростовцев) считают, что целью

¹ К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. Вестник древней истории, 1953, IV, стр. 47 сл.

насаждения эллинистических полисов на востоке было создание слоя господ-эллинов над туземным населением, а результатом — приобщение «варваров» к эллинской культуре, а также усиление экономического развития восточных стран. Эта точка зрения насквозь проникнута европоцентризмом. Буржуазные ученые, сильно преувеличивающие роль эллинов и эллинистических полисов, не замечают, что еще до их появления, уже в ново-ассирийское время в Передней Азии имелись объединения местного господствующего класса (городские общины, храмовые города и т. д.), которые впоследствии, войдя в систему эллинистических государств, стали играть ту же роль, что и полисы, и пользовались такой же самостоятельностью. Таковы, например, города Вавилонии, которые имели социальную структуру, аналогичную полисной — узкий круг полноправных граждан, объединенный в коллектив, и аморфная масса эксплуатируемых: рабов и полусвободных земледельцев. Они пользовались такими же правами и привилегиями (автономия, ателия и т. д.), что и полисы, и в такой же мере служили опорой центральной власти¹. Так же обстояло дело с малоазиатскими и сирийскими храмовыми городами, городами финикийского побережья и Палестины и т. д. Эллинистический полис был, таким образом, лишь одной из разновидностей самоуправляющихся городских общин.

Быть может эллинистические цари субъективно отдавали предпочтение эллинам, но последними не исчерпывался господствующий класс управляемых этими царями государств. Объективно цари должны были считаться и с местными представителями этого класса, чтобы сплотить его для успешной эксплуатации производителей материальных благ и сохранения целостности своих государств.

Глава первая посвящена обзору источников и литературы по городу древней Армении. Археологический материал почти отсутствует, ибо ни один из городов исследуемого периода пока не раскопан. По этой же причине ничтожно число открытых эпиграфических памятников (всего около двух десятков над-

¹ Г. Х. Саркисян. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. Вестник древней истории, 1952, I. Он же. О городской земле в Селевкидской Вавилонии. Там же, 1953, I.

писей, из которых лишь одна, а именно — греческая надпись конца III в. н. э., найденная на развалинах Тигранакерта, может быть использована для нашей темы).

Повествовательные источники также немногочисленны. При изучении истории Армении последних веков до н. э. и первых веков н. э. основой служат греческие и римские источники, но данные их случайны и отрывочны, ибо они упоминают об Армении только мимоходом. Кроме того, трактовка событий в них часто тенденциозна и враждебна по отношению к Армении. Изучение истории Армении IV в. и следующих веков ведется, в основном, по местным источникам, дающим, впрочем, кое-что и для более ранних времен.

Трудность использования армянских источников, наиболее ранние из которых относятся к V в. н. э., состоит в том, что они сохранили весьма смутные представления о некоторых явлениях IV в., в частности, о городской жизни этого времени. Дело в том, что общество V в. сильно отличалось от общества IV в. Уже господствовавшие в V в. феодальные отношения в предшествующем IV в. еще только пробивали себе дорогу в борьбе с рабовладельческими отношениями. Многочисленные и крупные города IV в., как это обычно на ранних этапах феодализма, деградировали к V в. до положения деревень или просто исчезли. Во второй половине V в. выдвинулся город Двин, но лишь как транзитный пункт международной караванной торговли и резиденция персидской администрации.

Естественно, что при таком состоянии городской жизни авторы V в. имели о ней довольно смутное представление, не могли вполне разобраться в дошедших до них известиях о городах, существовавших ранее, и передают эти известия часто в искаженном виде. Следует также учесть тенденциозность этих авторов, которые в качестве идеологов класса феодалов были противниками городов, выступавших в свое время за сохранение рабовладельческих отношений, средоточием которых они были. Все же у некоторых из них, в частности у Фавстоса Бузанда и Моисея Хоренского сохранились ценные сведения о городах.

Фавстос Бузанд — автор V в., посвятивший свой труд описанию событий IV в. (с 332 г. по 387 г.). В основе его труда

лежит устная традиция, в некоторых частях нуждающаяся в серьезных исправлениях, но в основном подтверждаемая другими источниками (например, Аммианом Марцеллином).

Моисей Хоренский, напротив, составил свой труд преимущественно по письменным источникам. Он жил в V—VI вв. и его труд посвящен истории Армении с древнейших времен (со времен мифического хАйка, эпонима армян) до падения аршакидской династии (428 г.). Ценность его труда неодинакова в различных его частях. Наиболее достоверны разделы, касающиеся истории IV—V вв., но и в предшествующих разделах имеется немало очень ценного материала, требующего, однако, большой осторожности при использовании, ибо в результате порочной хронологической схемы автора в его «Истории» допущено множество анахронизмов.

При такой скудости материала положительные результаты могут быть достигнуты лишь при условии его комплексного изучения. Но и такое изучение может быть проведено лишь в свете выработанных на основе материала из сопредельных стран общих положений о рабовладельческом городе эллинистического времени. Разумеется, всякий раз требуется обоснование правомерности привлечения той или иной аналогии.

Относительно немногочисленной литературы, посвященной изучению города древней Армении, было сказано выше.

Вторая глава посвящена городу рабовладельческого периода (III в. до н. э. — II в. н. э.). После падения ахеменидской державы в конце IV в. до н. э., в Армении, ставшей самостоятельным государством, происходил бурный рост рабовладельческих отношений, сопровождавшийся интенсивным развитием местной и транзитной торговли и ремесленного производства. Из персидской сатрапии, расположенной на окраине рабовладельческого мира, Армения превратилась к началу I в. до н. э. в государство, способное завоевать, хотя и на короткий срок, большую часть Передней Азии. Градостроительство, происходившее в эти века во всем эллинистическом мире, охватило и Армению: здесь в течение этого времени возникло множество городов.

Наиболее древним армянским городом был Армавир, расположенный в центре Араратской долины. Этот город являлся

столицей Армении во время Оронтидов (конец IV в. — нач. II в. до н. э.), а позже продолжал быть важным религиозным центром и прорицалищем.

Согласно ряду указаний Моисея Хоренского, которым в науке уделено недостаточно внимания, в Армавире существовало святилище, посвященное культу царствующей династии. Династический культ был принят в большинстве государств эллинистического мира как в крупных, так и в мелких. Он был направлен на усиление авторитета царя и справлялся очень пышно. В таком, например, маленьком государстве, как соседняя с Арменией Коммагена, существовал целый ряд святилищ, предназначенных для смешанного культа эллинизированных богов и представителей царской династии. Каждое святилище имело многочисленный жреческий персонал и владело обширными земельными территориями и жившим на них земледельческим населением.

В Армении, как известно, храмы также являлись крупными землевладельцами и рабовладельцами. Святилища, посвященные культу предков, кроме Армавира, вероятно, существовали и в других пунктах — в Багаране и в Арташате. В армавирском святилище почитались как боги (Солнце-Тир-Аполлон и Луна-Анаит-Артемиды), так и царские предки. Здесь были установлены их изображения. Учреждение культа царских предков, повидимому, относится ко времени Арташеса (Артаксия) (189—160 гг. до н. э.). Возможно, что позже был учрежден также культ самого правящего царя.

О других городах III в. известно очень мало. Топонимика Араратской долины дает три названия с составной частью Еруанд — (Оронт), связанных со строительной деятельностью династии Оронтидов. Одно из этих названий — Еруандашат — носил город, находившийся возле места слияния рек Аракса и Ахурыана. Возможно, что он короткое время был столицей Армении (в конце III в. до н. э.), а в IV в. н. э. был одним из крупнейших городских центров Армении. Другие два названия — Еруандаван и Еруандакерт — также характерны для поселений городского типа.

Градостроительство усилилось во II в. до н. э. Арташесом был основан город Арташат, столица Армении, сыгравший в

дальнейшем большую роль в ее истории. Одно из свидетельств Плутарха дает основание полагать, что Арташат был построен по единому плану, причем, по всей вероятности, это был план, обычный для эллинистического полиса. Сообщения Моисея Хоренского указывают на методы заселения города: выделение части населения других городов, а также поселение в нем пленных жителей завоеванных стран. Такими же способами должны были заселяться и другие новооснованные города, названные Арташесом по обычаю, широко распространенному в эллинистических странах, именем своего отца Зареа (Зариатра): два Заришата, один в области Вананд, другой — в области Алиовит, и три Зарефавана: в областях Аршаруник, Багреванд и на западном побережье озера Урмин.

Важным очагом градостроительства была Софена. Наиболее древним из ее городов был Аршамашат (Арсамосата), основанный во второй половине III в. до н. э. царем Арсамом I. Этот же царь на территории Коммагены основал два города, названных им Арсамеями. В обоих городах существовали святилища; возможно, что таковое имело и в Аршамашате. Не позже второй четверти II в. до н. э. в Софене был основан город Аркатиокерга.

Преобразование Армении в начале I в. до н. э. в одно из сильнейших государств Передней Азии и Средиземноморья привлекло к ней пристальное внимание античных авторов. Их отношение к Армении и к ее правителю — Тиграну II (95—56 гг. до н. э.), часто враждебное, было унаследовано рядом современных исследователей (например, Моммзен, Рейнак), которые считали Тиграна бездарной личностью, вознесенной по воле случая на положение властителя Востока, и приписывали его тщеславию и прихоти все его начинания, даже градостроительство. Акад. Я. А. Манандян положил начало пересмотру этих взглядов, указав на экономическое развитие общества как на причину градостроительства, но при этом допустил некоторую идеализацию личности Тиграна¹.

В имеющихся свидетельствах город Тигранакерт, основанный Тиграном в качестве столицы своего обширного государ-

¹ Я. А. Манандян. Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943.

ства, выступает как крупный, хорошо застроенный и укрепленный город. Античные и армянские авторы сообщают интересные сведения о переселении Тиграном жителей сопредельных стран в Армению. Сопоставление их данных приводит к выводу о том, что при этом царе было переселено не менее полумиллиона человек, преимущественно городское население (из эллинистических полисов и других городов). Хотя античные авторы связывают эти переселения исключительно с основанием Тигранакерта, кажется несомненным, что один город не мог бы вместить такую массу людей. Пример многолюдных городов древности показывает, что они достигли своих огромных размеров в результате длительного пути развития. Так, например, население Антиохии на Оронте насчитывало при ее основании в 300 г. до н. э. приблизительно 10.000 свободных жителей, и лишь к I в. н. э. достигло цифры 200.000 свободных жителей. Естественно, что Тигранакерт, основанный самое большее за 15 лет до разрушения его Лукуллом, за столь короткий промежуток времени не мог достигнуть таких огромных размеров. У армянских авторов имеются прямые указания на то, что приведенные в Армению чужестранцы расселялись в ряде старых городов Армении. Можно предполагать также, что ими были заселены и другие основанные Тиграном города — Тигранакерт в Утике, Тигранакерт в Арцахе, Тигранаван в Голтне и другие.

Античные авторы характеризуют градостроительство Тиграна той же терминологией, что и градостроительство эллинистических царей, и, по существу, его методы ничем не отличались от методов последних. Устанавливается, что чужестранцы, поселенные в армянских городах, не порабощались, а оставались свободными. Будучи в большинстве своем городскими жителями, они принесли в Армению свои обычаи, законы, учреждения городской жизни, которые в ряде случаев привились на новой почве. Так, например, возникновение в Армении института литургии, т. е. проведения частным лицом на свои средства общественно-полезных мероприятий, следует поставить в связь с появлением эллинов (жителей эллинистических полисов, которые не обязательно были греками). То же можно сказать и об эллинистическом театре. Театр был не-

обходимой принадлежностью как классических, так и эллинистических полисов и играл в их жизни не только культурную, но и важную политическую и культовую роль. Факт учреждения эллинистического театра в армянских городах (в Тигранакерте и, по всей вероятности, в Арташате), конечно, указывает на стремление армянских царей эллинизировать Армению, но возможность его появления была обусловлена наличием широких эллинских слоев, обеспечивших первоначально аудиторию театру, в котором был принят греческий язык¹.

Эти примеры показывают, что обычаи и учреждения переселенных эллинов не только не подавлялись, но поощрялись. О том же свидетельствует титул «филэллин», принятый армянскими царями.

Также обстояло дело и с другими переселенцами, например, с евреями, замкнутые общинные организации которых сохранились в армянских городах вплоть до раннего средневековья. Такие же условия существовали и в возникших позже, в I—II вв. н. э., городах — Валаршапате, Мцурне.

Градостроительство в Передней Азии имело место уже в ново-ассирийское время, но приобрело грандиозный размах в эллинистический период. О причинах этого явления было уже сказано. Одной из характерных его черт было присвоение вновь основанным городам династических названий, т. е. таких, которые включали имя царя-основателя города, царицы или царского предка. Такие названия городов появились на довольно поздних этапах развития рабовладельческого общества: в центральных областях Древнего Востока — в начале I тыс. до н. э.², в эллинском мире — в конце IV в. до н. э. Более древние города династических названий не носили.

Особенность исторического развития Армении заключалась в том, что, вследствие ее периферийного положения, рабо-

¹ Конечно, существовали и какие-либо другие зрелища на армянском языке, но, поскольку речь идет об эллинистическом театре, с греческими актерами, исполнявшими греческие трагедии или произведения драматургов типа армянского царя Артавазда II, применение какого-либо другого языка, кроме греческого, кажется немислимым.

² Например, Дур-Шаррукки, Кар-Шульмануашаред, Кар-Синахериба и мн. др.

владельческие отношения стали складываться в ней позже, чем в центральных странах Передней Азии. Однако Армения, находившаяся во взаимодействии с этими странами, развивалась очень быстро, и уже в III в. до н. э. вступила в ту фазу развития рабовладельческого общества, которая была характерна массовым появлением городских центров. Возникшие в тех же экономических условиях, что и остальные города Передней Азии, армянские города были сходны с ними также по социальной структуре и по выполняемым в обществе функциям. Сходны были они и по указанной выше характерной черте — армянские города III—II вв. до н. э. почти сплошь носили династические названия (например, Ерундашат, Аршамашат, Аркатиокерта, Арташат, Зарефанан и ряд других). Однако, в отличие от более развитых стран Передней Азии, такие названия носили именно **наиболее древние** города Армении, что было выражением отмеченной особенности ее развития.

Периферийное положение Армении выразилось и в том, что для нее оказалось возможным по мере необходимости принимать те или иные, уже готовые и отшлифованные в соседних развитых странах формы надстройки, которые, разумеется, на ее почве претерпевали существенные изменения, приспособляясь к местным условиям. Так, многое было заимствовано из культуры эллинистических стран, а также из их политической надстройки¹. Сильное влияние должна была оказать и такая форма политической надстройки, как городская организация, особенно организация эллинистического полиса. Это влияние оставило в Армении значительные следы, но не привело к превращению в эллинистические полисы армянских городов, в основе которых, несомненно, лежала структура армянской сельской общины. Оно содействовало лишь выработке и укреплению своего типа городской организации в Армении.

Третья глава посвящена изучению города периода складывания феодальных отношений (III—IV вв. н. э.). С III в. начи-

¹ Можно вспомнить эллинизацию местных божеств, принятие македонского календаря и, повидимому, селевкидской эры, территориальное разделение Армении на стратегии по селевкидскому образцу и многое другое. О влиянии эллинистических стран свидетельствует также распространение греческого языка в древней Армении.

нается развитие новых, феодальных производственных отношений, постепенно вытеснявших рабовладельческие. Этот процесс нашел свое выражение в ожесточенной классовой борьбе. Трудящиеся массы боролись против гнета эксплуататоров; нарождавшийся класс феодалов стремился эмансипироваться из под царской власти и создать свои мелкие феодальные государства; цари боролись за сохранение своей власти.

В армянских источниках V в. очень смутно отразились те социальные силы, на которые опирались цари, долгое время успешно боровшиеся с феодалами. Такой опорой в значительной степени были города—центры рабовладельческой эксплуатации, заинтересованные в сохранении централизованного государства, обеспечивавшего им развитие землевладения, торговли и товарного ремесленного производства.

О состоянии городов в III—IV вв. дает представление тигранакертская надпись. Она относится, повидимому, к самому концу III в., ко времени правления Трдата III, до принятия им христианства, и содержит царское послание городу. Такие документы в древнем мире (в новоассирийский период, особенно — в эллинистическое, а также в римское время) были очень распространены и представляли собой один из методов управления городами.

К сожалению, тигранакертская надпись — единственный образец царских посланий городам, найденный на территории Армении — дошла до нас в сильно фрагментированном виде, что намного снижает ее ценность. Все же, она остается первоклассным источником по истории Армении III—IV вв., совершенно недостаточно изученным. На основании имеющихся фрагментов можно уловить общее содержание надписи. Царь укоряет граждан за произошедшее недавно восстание города и считает необходимым передать военные укрепления города царскому гарнизону. Он велит вырезать текст этого послания-приказа на воротах города, а также на воротах других городов.

На основании данных тигранакертской надписи можно сделать вывод, что в Армении III—IV вв. города представляли собой особую категорию организации населения. Это были самоуправляющиеся городские общины, называвшиеся грече-

ским термином *πολιτεῖα* (греческий язык был языком царской канцелярии). В этих городских общинах, повидимому, существовали коллегиальные органы самоуправления, к которым и обращался царь со своими посланиями. Города были более или менее независимы от местной власти сатрапов и подчинялись непосредственно царю. В обычное время в них не было гарнизона из царских войск, они сами, возможно, имели свои военные отряды. Но в виде наказания или в чрезвычайных случаях царский гарнизон вводился в город и занимал его укрепления.

Таким образом, армянские города III—IV вв. сохранили все основные черты эллинистических полуавтономных городов. Этот вывод подтверждается также данными армянских повествовательных источников. У Моисея Хоренского имеются указания на существование резкого антагонизма между городом и населением земель, принадлежащих городу. Согласно установлению одного из царей, — пишет он, — «сельчане должны почитать горожан как господ». Уже для самого Моисея Хоренского, почерпнувшего это определение в своих источниках, была, повидимому, непонятна его резкость, ибо она не соответствовала условиям современной ему действительности V века. Еще менее эта резкость была понятна для более поздних авторов периода развитого феодализма, когда антагонизм между городом и деревней не был столь острым, как в период рабовладения. Поэтому, заимствуя приведенную формулировку у Моисея Хоренского, они передают ее в сильно смягченном виде.

Далее, Моисей Хоренский приводит послание персидского царя, направленное жителям Тигранакерта во время осады этого города в 359 г. Письмо не подлинное, но интересен самый факт возможности обращения к гражданам, минуя военачальника, руководившего обороной города. Данные рассказа об осаде подтверждают сделанный выше вывод о существовании в Армении III—IV вв. городских военных отрядов или городского ополчения.

По сообщению Фавстоса Бузанда в IV в. в Армении существовало множество крупных многолюдных городов. Все эти города имели устройство, аналогичное тигранокертской *πολιτεῖα*.

Население в них было разделено по этническому признаку на отдельные общины. Так, например, существовали, повидимому, общины армян, евреев. Города были тесно связаны с царем, в каждом из них находился царский чиновник, деливший власть с местными органами управления; суд, повидимому, был в руках царских судей; наконец, царь мог непосредственно обращаться к городам с посланиями-приказами.

В IV в. продолжалось основание новых городов, каковы, например, Двин, Аршакаван. История основания, роста и гибели последнего, дошедшая до нас в рассказах Фавстоса Бузаанда и Моисея Хоренского, в высшей степени интересна. Оба автора дают крайне тенденциозное описание событий. Они считают основание нового города проявлением каприза и сумасбродства царя, приведшим лишь к увеличению преступности в стране. Однако, исходя из приведенных ими фактов, можно воссоздать совершенно другую картину. Аршак II выбрал для основания нового города плодородную долину, расположенную вблизи важных торговых путей, соединявших Тигранакерт с Арташатом. Были, таким образом, учтены интересы различных слоев населения будущего города. Город был быстро заселен крестьянами-общинниками, горожанами, рабами, стекавшимися туда из-за тех прав и привилегий, которые получали поселившиеся в Аршакаване. Им было предоставлено освобождение от долгов, помилование за совершенные преступления, защита от преследования кредиторов. Они были изъяты из сферы действия **общегосударственных** законов и податей. Однако это не означало, что жители Аршакавана не были подчинены вообще никакой власти. Они попали в сферу **городских** законов и податей. Необходимо было отрегулировать взаимоотношения жителей нового города, их отношение к внешнему миру, к царю; несомненно, должна была быть создана административная власть, суд и соответствующая конституция. Организационные формы, которые отвечали бы всем этим требованиям, в IV в. не нужно было придумывать заново, ибо они существовали в Армении еще с эллинистического времени: в Аршакаване была создана обычная городская община — *πολιτεία*.

Весь этот процесс основания и устройства города, вместе с завершившим его актом—присвоением городу царского имени,

живо напоминает эллинистический период, когда подобные явления были обычны. Однако в IV в. они уже не были обычны и вызывали возмущение феодалов-землевладельцев. Аршакаван был разрушен объединившимися феодалами и население его было вырезано. Оправдывая это действие, Моисей Хоренский указывает, что феодалы были разгневаны на своих слуг и рабов, бежавших в новый город. Это объяснение вполне в духе его эпохи: в V в. города не играли уже существенной роли в жизни общества, и вражда феодалов по отношению к ним была позабыта; напротив, социальное движение трудящихся масс продолжалось, и ненависть к ним у идеологов класса феодалов вполне понятна.

На деле в истории Аршакавана отразилась вся совокупность сложных социальных взаимоотношений IV в.— и движение эксплуатируемых, и борьба феодалов с царской властью, и роль городов в этой борьбе. В рабовладельческом обществе города всегда были опорой центральной власти,— они оставались таковой также в период разложения этого общества, ибо города были центрами рабовладельческой эксплуатации и их экономические и политические интересы целиком были связаны с существованием централизованного государства. Разумеется, внутри городов несомненно были слои, а именно — трудящиеся массы, относившиеся к царю враждебно, но не они определяли позицию городов в целом. Определял ее господствующий класс рабовладельцев, объединенный в коллективы полноправных граждан.

Все это и обуславливало вражду феодалов к городам. Для подавления мощи последних, как и для борьбы с царем, феодалы постоянно прибегали к помощи персов, заинтересованных в расчленении армянского государства на мелкие феодальные княжества, ибо единая Армения, выступая в союзе с Римом, была для Персии очень опасна. В 364—368 гг. персидское войско, возглавленное армянскими феодалами, подвергло разрушению и опустошению все основные городские центры Армении — Арташат, Валаршапат, Ерундашат, Зареһаван, Заришат, Ван, Нахчаван. Несколько раньше был разрушен Тигранакерт и, как было сказано выше — новый город Аршакаван. Эта катастрофа в сильной степени содействовала тому

процессу деградации городов, который являлся неизбежным спутником феодализма на начальных стадиях его развития, характерных сокращением товарного производства и натурализацией хозяйства. В V в. на месте большинства старых городов Армении были уже деревни.

Заключение подытоживает проделанное исследование. Рабовладельческие города в Армении возникли в эллинистический период. Они продолжали существовать и сохраняли свою организацию еще к IV веку н. э., но в дальнейшем процесс феодализации общества привел к их захирению. В следующие века начался постепенный подъем городов, приведший в X—XI вв. к подлинному их расцвету. Однако это были уже не прежние города. Они выросли, как правило, на новых местах, имели отличную от прежних структуру и играли иную роль в жизни общества. Это были феодальные города.